

Научная статья
УДК 343.101
doi: 10.35750/2071-8284-2023-2-148-156

Антонина Александровна Рогова

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-4314-2207>, tonya_kuznetsova@mail.ru

Нижегородская академия МВД России

Российская Федерация, 603114, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3

Проблемы эффективности мер принуждения, применяемых в уголовном судопроизводстве

Аннотация: Актуальность темы исследования и постановка проблемы. Мерам процессуального принуждения посвящён раздел IV УПК РФ. Однако принуждение в уголовном судопроизводстве данными мерами не ограничивается. Оно реализуется также с помощью иных мер, среди которых можно выделить те, что имеют процессуальную форму (регламентируются УПК РФ), а также те, что применяются в рамках иных правовых режимов (в рамках законодательства об административных правонарушениях, оперативно-розыскной деятельности). Ряд этих мер может применяться на стадии возбуждения уголовного дела, в отличие от мер процессуального принуждения, закреплённых в разделе IV УПК РФ, что актуально в правоприменительной деятельности. Вместе с тем остаются нерешёнными вопросы о границах и видах принуждения на стадии возбуждения уголовного дела, законности, эффективности и целесообразности применения таких мер. В свете вышесказанного тема исследования представляется актуальной.

Цели исследования. Целью данного исследования является анализ норм уголовно-процессуального и иного отраслевого законодательства, направленного на формирование должного поведения участников уголовного судопроизводства, анализ эффективности и целесообразности мер принуждения, применяемых в уголовном судопроизводстве в рамках различных правовых режимов.

Методы исследования. С помощью сравнительно-правового метода исследования автор анализирует меры принуждения, регулируемые различными отраслями отечественного, а также зарубежного законодательства. С помощью метода классификации сгруппированы меры принуждения, применяемые в уголовном судопроизводстве. В ходе проведённого анкетирования практических работников получены результаты относительно допустимости использования принуждения при производстве процессуального изъятия до возбуждения уголовного дела.

Результаты исследования и обоснование новизны. Полученные результаты исследования позволили автору предложить способ повышения результативности проверочных мероприятий, проводимых в порядке ст. 144, 145 УПК РФ: автор предлагает расширить перечень следственных действий, прямо предусматривающих использование принуждения в ходе их производства, включая те из них, которые требуют судебного санкционирования.

Выводы. 1. Принуждение – неотъемлемая составляющая всего уголовного судопроизводства, оно присутствует на всех его стадиях, в том числе и до возбуждения уголовного дела, однако крайне ограничено и в большинстве своём малоэффективно. 2. Принуждение в отечественном уголовном судопроизводстве реализуется через ряд непроцессуальных мер, однако применяются эти методы неоднобразно, а иногда вразрез с действующим законодательством. 3. Отсутствие действительного принуждения на стадии возбуждения уголовного дела усложняет достижение целей уголовного судопроизводства. 4. Развитие эффективного досудебного производства должно идти по пути расширения перечня проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела, включая те, что требуют судебного санкционирования.

Ключевые слова: принуждение, уголовное судопроизводство, меры принуждения, процессуальные меры принуждения, непроцессуальные меры принуждения, возбуждение уголовного дела

Для цитирования: Рогова А. А. Проблемы эффективности мер принуждения, применяемых в уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 2 (98). – С. 148–156; doi: 10.35750/2071-8284-2023-2-148-156.

Antonina A. Rogova

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-4314-2207>, tonya_kuznetsova@mail.ru

Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod, 603114, Russian Federation

Problems of the effectiveness of coercive measures used in criminal proceedings

Abstract: Relevance of the research topic and problem statement. Section IV of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is devoted to measures of procedural coercion. However, coercion in criminal proceedings is not limited to these measures. It is also implemented with the help of other measures, among which are those that have a procedural form (regulated by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), as well as those that are applied under other legal regimes (under the legislation on administrative offenses, operational-search activities). A number of these measures can be applied at the stage of initiating a criminal case, in contrast to the measures of procedural coercion enshrined in Section IV of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which is relevant in law enforcement. At the same time, questions about the boundaries and types of coercion at the stage of initiating a criminal case, the legality, effectiveness and expediency of applying a number of such measures remain unresolved. In this regard, the research topic seems to be relevant.

Research objectives. The purpose of this study is to analyze the norms of criminal procedure and other sectoral legislation that regulate the behavior of participants in criminal proceedings, to analyze the effectiveness and expediency of coercive measures used in criminal proceedings under various legal regimes.

Research methods. Using the comparative legal method of research, the author analyzes coercive measures regulated by various branches of domestic and foreign legislation. With the help of the classification method, coercive measures used in criminal proceedings are grouped. In the course of the survey of practitioners, results were obtained regarding the admissibility of using coercion in the production of a procedural seizure before initiating a criminal case.

Research results and rationale for novelty. The results of the study allowed the author to propose a way to improve the effectiveness of verification activities carried out in accordance with Art. 144, 145 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the author proposes to expand the list of investigative actions that directly provide the usage of coercion in the course of their production, including those that require judicial authorization.

Findings. 1. Coercion is an integral part of all criminal proceedings, therefore, it exists at all its stages, including before the initiation of a criminal case, but it is extremely limited and mostly ineffective. 2. Coercion in domestic criminal proceedings is implemented through a number of non-procedural measures, however, these methods are applied in a heterogeneous manner, and sometimes contrary to the current legislation. 3. The absence of effective coercion at the stage of initiating a criminal case complicates the achievement of the goals of criminal proceedings. 4. The development of effective pre-trial proceedings should follow the path of expanding verification activities at the stage of initiating a criminal case, including those that require judicial authorization.

Keywords: coercion, criminal proceedings, coercive measures, procedural coercive measures, non-procedural coercive measures, initiation of a criminal case

For citation: Rogova A. A. Problems of the effectiveness of coercive measures used in criminal proceedings // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 2 (98). – P. 148–156; doi: 10.35750/2071-8284-2023-2-148-156.

Введение. Принуждение – необходимый элемент регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Реализация указанных положений возможна лишь через систему действенных и эффективных методов принуждения, основания и порядок применения которых (пределы) должны быть закреплены в законе и понятны правоприменителю.

В уголовно-процессуальном законе мерам принуждения отдельно посвящён раздел

IV УПК РФ, однако очевидно, что принуждение в уголовном судопроизводстве указанными в этом разделе мерами не ограничивается. Так, текст ряда статей УПК РФ прямо предусматривает возможность применения принуждения, не относящегося к мерам принуждения в смысле и значении, придаваемых им законодателем в разделе IV УПК РФ. Одновременно с этим ряд процессуальных норм, не являясь мерами принуждения буквально, являются таковыми по сути, так как формируют модель должного поведения участников уголовного судопроизводства. Кроме этого, в правоприменительной практике используются меры принуждения, не регулируемые уголовно-процессуальным законом, т. е. непроцессуальные меры принуждения, к которым, в частности, относится метод оперативно-розыскной деятельности, а также

привлечение к административной ответственности за невыполнение законных требований должностных лиц, ведущих производство по делу. Сюда же можно отнести и меры, которые С. Б. Россинский называет средствами «неопределённой правовой природы»: непроцессуальные досмотры, добровольные выдачи, изъятия и т. д. [1, с. 135].

Методы исследования. С помощью сравнительно-правового метода автором были проанализированы меры принуждения, применяемые в рамках различных правовых режимов отечественного, а также зарубежного законодательства. С помощью метода классификации автором были сгруппированы и раскрыты меры принуждения, применяемые в уголовном судопроизводстве. Данная классификация представлена следующими мерами принуждения.

1. Процессуальное принуждение, реализуемое через уголовно-правовые запреты

Речь идёт о процессуальном порядке предупреждения свидетеля и потерпевшего об ответственности за отказ от дачи показаний, уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования, производства в отношении его судебной экспертизы (если не требуется его согласие), представления образцов для сравнительного исследования (ст. 308 УК РФ). С. Ф. Шумилин называет такие действия психическим принуждением, мерой уголовно-процессуальной ответственности [2, с. 5]. Однако данный метод регулирования поведения в уголовном процессе работает исключительно в рамках производства расследования (на это указывают диспозиции ст. 307, 308 УК РФ), но не проверочных действий, проводимых в порядке ст. 144, 145 УПК РФ, за исключением предупреждения об ответственности за заведомо ложное заключение эксперта и заведомо ложный перевод.

Данное обстоятельство, очевидно, отражается не только на результативности проверочных мероприятий, но и на оптимальности, экономичности расследования в целом. Так, Т. Г. Кудрявцева, Д. Н. Кожухарик пишут, что если лицо не предупреждается по ст. 307 и 308 УК РФ, то страдает принцип достоверности получаемых сведений. Соответственно, объяснение не может приниматься как прямое доказательство по делу и подлежит дополнительному процессуальному оформлению (в виде протокола допроса после возбуждения уголовного дела – Прим. авт.) [3, с. 30]. Аналогичной позиции придерживается и Н. В. Азарёнок [4, с. 34]. В связи с этим в научной литературе обсуждается вопрос о целесообразности законодательного регулирования производства допроса до возбуждения уголовного дела [5, с. 10]. Интересен в этом отношении законодательный опыт Республики Казахстан, где отсутствует привязка допроса свидетеля, подозреваемого к моменту возбуждения уголовного дела ввиду отсутствия данной стадии. В ч. 3 ст. 112 УПК РФ сказано, что если подозреваемый был вначале допрошен в качестве свидетеля, то его свидетельские показания, во-первых, не могут быть признаны в ка-

честве доказательств и использованы против его супруга (супруги) и близких родственников, а, во-вторых, положены в основу обвинения подозреваемого¹.

Таким образом, если следовать системному толкованию норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, получается, что в ходе доследственной проверки единственным правовым запретом (посредством которого реализуется принуждение), связанным с дачей объяснения, является запрет на заведомо ложный донос, об ответственности за который лицо должно быть предупреждено. Однако следует правильно понимать, совершение каких именно действий имеется здесь в виду. Так в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» сказано, что объективная сторона заведомо ложного доноса состоит в умышленном сообщении заведомо недостоверной информации о событии подготавливаемого, совершаемого либо совершенного уголовно наказуемого деяния². При взятии объяснения в ходе доследственной проверки о событии преступления известно, поэтому ответственности по ст. 306 УК РФ по обстоятельствам, послужившим поводом к их проверке, на наш взгляд, быть не может. Иначе это выглядит как применение к действиям, предусматривающим ответственность по ст. 307 УК РФ, статьи 306 УК РФ, что недопустимо. Положения ст. 306 УК РФ действуют упреждающе на неопределённый круг лиц, вне зависимости от их процессуального и фактического статуса. Поэтому нельзя согласиться с утверждением А. В. Чуркина о том, что об ответственности за заведомо ложный донос должен предупреждаться только будущий потерпевший, но не подозреваемый, обвиняемый [6, с. 20]. Подтверждение этому содержится в определении Конституционного Суда РФ, в соответствии с которым заведомо ложный донос о совершении преступления не может рассматриваться как допустимый способ защиты от обвинения, так как такие действия посягают не только на интересы правосудия, но и на права личности, умаляя ее достоинство³.

Как отмечает М. О. Румянцева, к лицам, от которых необходимо получить объяснения, недопустимо применение принудительных мер.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V [Электронный ресурс] // Сайт информационной системы «Параграф». – URL : https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852#sub_id=0 (дата обращения 23.11.2022).

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда от 28 июня 2022 г. № 20 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.11.2022).

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Нурыяхмата Нурыхановича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2013 г. № 661-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.11.2022).

Именно поэтому, пишет автор, в бланке объяснения отсутствует предупреждение об ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ, а в случае уклонения от явки для дачи объяснения законом не предусмотрено негативных последствий для соответствующих лиц, поэтому к ним не может быть применён принудительный привод [7]. На практике некоторые принудительные механизмы всё же используются, однако по своей эффективности, на наш взгляд, они уступают мерам уголовно-правового характера. Так, постановлением судьи Прикубанского районного суда Карачаево-Черкесской Республики Е. Ю. Иллариошина была привлечена к административной ответственности, предусмотренной ст. 17.7 КоАП РФ, за неявку по вызову дознавателя для дачи объяснения и предоставления образцов почерка для сравнительного исследования в рамках рассмотрения поданного ею заявления⁴.

Таким образом, взятие объяснений для принятия решения в порядке ст. 144, 145 УПК РФ, которое, к слову сказать, должно быть обоснованным, не подкреплено эффективным принуждением, что, на наш взгляд, вписывается в существующую модель отечественного судопроизводства с присущей ей стадией возбуждения уголовного дела, где использование принуждения сведено к минимуму, однако вряд ли является эффективной формой достижения целей уголовного судопроизводства.

2. Процессуальное принуждение, применяемое для подавления активного сопротивления участников уголовного судопроизводства

Содержательно такое принуждение представляет собой силовое (физическое) подавление сопротивления участника уголовно-процессуальных отношений, но формально это принуждение процессуальное, так как основания и пределы его применения прописаны в УПК РФ. Физическое принуждение представляет собой способ реализации как прямо указанных в УПК РФ мер процессуального принуждения (раздел IV УПК РФ), так и содержащихся в других его положениях мер, где предусмотрена возможность совершения действий против воли его участников – например, право на принудительное открытие помещений при производстве обыска в случаях, когда лицо отказывается добровольно их открыть (ч. 6 ст. 182 УПК РФ). Е. С. Лапин приводит следующие примеры активного воспрепятствования производству обыска: непускание в место его проведения, стремление обыскиваемого его покинуть, воспользоваться средствами связи, закрытие на ключ отдельных помещений, нереагирование на требования не общаться с иными лицами и др. Автор пишет, что указанные факты должны найти отражение в протоколе, что согласуется с требованием п. 14 ст. 182 УПК РФ, где долж-

ны быть указаны принятые меры принуждения, которые, как верно замечает автор, в законе не раскрыты. Он приводит пример решения подобных проблем, используемый в правоприменительной практике. Во-первых, как пишет автор, если есть предположения об «остроконфликтной ситуации» в процессе производства обыска, то следует заблаговременно пригласить участкового уполномоченного полиции, который имеет право составить протокол об административном правонарушении по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ за неповиновение сотруднику полиции. Указанный протокол составляется на основании рапорта следователя о незаконных действиях обыскиваемого (иного лица, участвующего в производстве обыска), с участием понятых. Далее протокол вместе с другими материалами направляется в суд для решения вопроса о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ [8, с. 10].

Следует обратить внимание на следующий момент: диспозиция ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ предполагает ответственность за неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, однако фактически законные требования предъявляет следователь, а участковый уполномоченный в этой ситуации является фигурой исключительно формальной. Кроме того, принуждение в этой ситуации, по сути, проявляется в виде неблагоприятных последствий для правонарушителя (административной ответственности).

Вместе с тем законодатель, очевидно, указывает на возможность применения непосредственно физического принуждения субъектами, чьи законные требования не выполняются. УПК РФ не раскрывает, какие конкретно это могут быть действия, оставляя их выбор на усмотрение правоприменителя, ограничив лишь пределы такого принуждения в ст. 9 УПК РФ, ч. 4 ст. 164 УПК РФ недопустимостью совершения действий, унижающих честь и достоинство лица, недопустимостью насилия, пыток, жестокого обращения.

Далее, в ряде процессуальных действий использованием принуждения уголовно-процессуальным законом прямо не предусмотрено, но допускается, что следует из анализа решений Конституционного Суда РФ (например, при получении образцов для сравнительного исследования при условии обоснованности и соразмерности ограничения конституционных прав личности⁵). Однако остаётся открытым вопрос о видах и границах принуждения на стадии возбуждения уголовного дела – с учётом того, что в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения, запросы органов следствия и дознания обязательны для исполнения. По мнению

⁴ Постановление Прикубанского районного суда № 5-3/2020 от 11 февраля 2020 г. по делу № 5-3/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/RSU1fnsGme1s/?regular-txt> (дата обращения 23.11.2022).

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павелкина Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав статьёй 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2020 г. № 1055-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.11.2022).

В. В. Артёмовой, применение мер принуждения на этапе возбуждения уголовного дела противоречит основам данной стадии [9, с. 5]. Я. П. Ряполова пишет, что участие в следственных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении должно иметь добровольный характер, о чём необходимо предупреждать их участников. Это гарантирует соблюдение прав последних, ибо они, как пишет автор, наиболее уязвимы «в силу неопределённости их процессуального статуса» [10, с. 21–25]. Так же считает и Н. В. Азарёнок, по мнению которого, до принятия решения о возбуждении уголовного дела применение каких-либо принудительных мер (в том числе направленных на получение образцов для сравнительного исследования) не допускается [11, с. 124]. Указанное обстоятельство затрудняет выбор привопримителем допустимого способа принуждения в рамках доследственной проверки.

Остаётся также открытым вопрос о праве и процессуальной форме принудительного изъятия вещей и предметов на стадии возбуждения уголовного дела. Данная проблема находится за рамками чёткого правового регулирования УПК РФ, что порождает проблемы в правоприменении. Нами проводилось анкетирование практических работников, обучающихся на факультете повышения квалификации в Нижегородской академии МВД России, по результатам которого 83 % опрошенных допускают принудительное изъятие до возбуждения уголовного дела, из которых 16,6 % опрошенных считают приемлемым производство такого изъятия посредством выемки. По мнению остальных, изъятие до возбуждения уголовного дела возможно лишь в рамках осмотра места происшествия и оперативно-розыскных мероприятий (обследование зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств).

В целях повышения эффективности проверочных мероприятий, на наш взгляд, необходимо предоставить больше процессуальных инструментов органам предварительного расследования: расширить перечень следственных и иных процессуальных действий, допустимых при проверке сообщения о преступлении, включая те из них, которые требуют судебного санкционирования.

3. Судебный контроль как метод принуждения

В отечественном уголовном судопроизводстве ресурс судебного контроля на стадии возбуждения уголовного дела крайне ограничен. По сути, он реализуется лишь при производстве осмотра места происшествия – жилища, если отсутствует согласие проживающих в нём лиц⁶.

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Никитина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 7, статьёй 12, пунктами 4 и 5 части второй статьи 29, статьёй 176, частями 1–4 и 6 статьи 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1054-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.11.2022).

Являющаяся олицетворением обоснованного принуждения, сфера применения судебного контроля могла бы включить в себя и стадию возбуждения уголовного дела. Однако современное состояние данного процессуального института в отечественном уголовном судопроизводстве свидетельствует о его недостаточной эффективности в обеспечении прав и свобод личности [12, с. 230]. Поэтому крайне актуален вопрос создания такого механизма контроля (судебного, прокурорского) на стадии возбуждения уголовного дела, который, будучи удобным в правоприменении с этой задачей справлялся бы. В этом отношении интересен опыт уже упомянутой нами Республики Казахстан, где, например, следственный судья даёт санкцию на принудительное освидетельствование (п. 17 ч. 1 ст. 55 УПК РК), а также на принудительное получение образцов (п. 18 ч. 1 ст. 55 УПК РК)⁷.

4. Принуждение, осуществляемое посредством ОРД, мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях

Конституционный Суд РФ не раз указывал на недопустимость подмены производства процессуальных действий, для осуществления которых установлена специальная процедура, оперативно-розыскными мероприятиями (далее – ОРМ). Но есть и исключения. Так, Конституционный Суд РФ допустил возможность получения оперативно-розыскным путём (средствами оперативно-розыскной деятельности, далее – ОРД) образцов для сравнительного исследования, если процессуальным путём это сделать невозможно, например, в силу специфики подлежащих изъятию образцов (в частности, образца голоса, который не может быть получен принудительно, если лицо отказывается добровольно его предоставить)⁸, а также прямо указал на допустимость применения не только процессуальных, но и «иных» процедур, предусмотренных действующим законодательством. Правда, несколько ранее в похожей ситуации Конституционный Суд РФ определил, что ст. 186 и 202 УПК РФ не допускают возможность получения образцов для сравнительного исследования путем подмены установленного ими порядка производства следственных действий⁸. В ситуации «особого» отношения к результатам ОРД органа конституционного контроля (позиция которого до настоящего времени остаётся

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение её конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2211-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.11.2022).

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Немых Натальи Ивановны на нарушение её конституционных прав статьёй 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», статьями 87, 186 и 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2010 г. № 261-О-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.11.2022).

неизменной – результаты ОРМ доказательствами не являются), использование возможностей ОРД в качестве альтернативы процессуальному принуждению с точки зрения закона остаётся сомнительным.

Особое место среди мер принуждения, применяемых в уголовном судопроизводстве, занимают меры, регулируемые КоАП РФ. Так до возбуждения уголовного дела в правоприменительной деятельности возникает необходимость в производстве осмотра лица, его одежды, вещей, находящихся при нём в целях обнаружения предмета преступного посяательства, средств, орудий совершения преступлений. Однако уголовно-процессуальным законом такое право не предусмотрено: личный обыск может проводиться только после возбуждения уголовного дела, а обследование лица в рамках осмотра места происшествия (что иногда практикуется), фактически подменяет личный обыск и по правильному замечанию В. В. Козлова недопустимо [13, с. 140]. Выходом из такой ситуации стало производство личного досмотра, который по своей правовой природе является мерой обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. М. В. Лапатников, анализируя судебную практику по этому вопросу, пришёл к выводу, что «личный досмотр фактически перестал быть исключительно административно-процессуальным действием и перешёл в разряд уголовно-процессуальных» [14, с. 442]. Вместе с тем в целях правовой определённости, на наш взгляд, необходимо законодательно урегулировать производство личного досмотра в рамках уголовного судопроизводства.

5. Привлечение к административной ответственности за пассивное сопротивление (невыполнение законного требования следователя (дознателя))

Анализ судебной практики показал, что в ходе уголовного судопроизводства за невыполнение законных требований должностных лиц (как правило, пассивное сопротивление), осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, лица, которые эти требования не выполняют, привлекаются к административной ответственности. Так, в КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за отказ от выполнения законного требования следователя, дознавателя (ст. 17.7 КоАП РФ), неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции (ст. 19.3 КоАП РФ). Причём в ст. 17.7 КоАП РФ орган дознания не перечислен в качестве субъекта, невыполнение законного требования которого (например, в ходе проведения следственной проверки) влечёт административную ответственность по данной статье, а ст. 19.3 КоАП РФ, где сотрудник полиции указан, входит в гл. 19 Кодекса «Административные правонарушения против порядка управления» и имеет иной объект охраны, нежели ст. 17.7 КоАП РФ, входящая в главу 17 «Административные правонарушения, посягающие на институты государственной

власти», что не совсем логично, так как речь идёт о выполнении идентичных мероприятий в рамках следственной проверки следователем, дознавателем, органом дознания (сотрудником полиции).

Наиболее распространённой ситуацией привлечения к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ является ситуация, при которой лицо отказывается от дактилоскопирования. В соответствии с п. «ж» ст. 9 Федерального закона от № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»⁹ подозреваемые в совершении преступления подлежат обязательной дактилоскопической регистрации. Указанное мероприятие проводится в рамках следственного действия «Получение образцов для сравнительного исследования» (ст. 202 УПК РФ). Правоприменительная практика показывает, что при отказе от дактилоскопирования в отношении подозреваемого возбуждается дело об административном правонарушении с последующим привлечением его к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ. Вместе с тем нет уверенности в том, что подозреваемый об этом предупреждается: в ст. 202 УПК РФ это не прописано, в ст. 46 УПК РФ о такой обязанности подозреваемого также не сказано. Однако подозреваемому известно право защищаться иными средствами и способами, не запрещёнными законом (п. 11 ст. 46 УПК РФ), которое может быть им истолковано и как право на отказ от дактилоскопирования. Но, как известно, «ignorantia juris non excusat...». На то, что незнание закона не освобождает от ответственности, ссылаются суды в своих решениях¹⁰. Так Н. В. Семёркин подал апелляционную жалобу на постановление о привлечении его к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ, сославшись на то, что дознаватель не разъяснила ему ответственность за отказ от прохождения дактилоскопирования, при этом суд, рассматривающий дело, не удовлетворил ходатайство о допросе его защитника, который присутствовал при этом и мог подтвердить сказанное, а ограничился допросом свидетеля – дознавателя, рабочее место которого находилось в том же служебном кабинете, что и дознавателя, ведущего производство по его делу и подтвердившего разъяснение прав, обязанностей, ответственности при отказе от дактилоскопирования. Вместе с тем указанные доводы судья счёл неубедительными и в удовлетворении ходатайства отказал.

По этой же статье суды привлекают к ответственности за неявку по повестке для производ-

⁹ О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.11.2022).

¹⁰ Решение Кулебакского городского суда № 12-19/2020 от 19 мая 2020 г. по делу № 12-19/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/ЕСрqmmqрBDYP/?regular-txt> (дата обращения: 23.11.2022).

ства следственного действия¹¹. Так, Агрызский районный суд Республики Татарстан отменил решение мирового судьи о прекращении производства об административном правонарушении, посчитав, что в рамках доследственной проверки к лицу, не являющемуся для дачи объяснений, не могут быть применены меры процессуально-принуждения, предусмотренные УПК РФ, поэтому за уклонение от явки по вызову следователя, т. е. за невыполнение законного требования следователя, предусмотрена административная ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ¹².

В этом отношении показательно решение судьи Змеиногорского городского суда Алтайского края, который согласился с решением мирового судьи о прекращении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 КоАП РФ, по факту неявки без уважительных причин свидетеля на допрос, обосновав это тем, что «основания и условия привлечения к ответственности за нарушение установленного процессуальными нормами порядка вызова на допрос в рамках производства по уголовному делу специально урегулированы нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 111 УПК РФ – Прим. авт.)»¹³.

Судебная практика знает и другие случаи привлечения к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ: в связи с невыполнением запроса следователя в рамках проверки сообщения о преступлении¹⁴, при непредоставлении копий документов по уголовному делу¹⁵. По мнению А. С. Есиной, Н. В. Макеевой, А. В. Борбат, ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ наступает лишь за деяния, «не связанные с неисполнением участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, возложенных на них УПК РФ» [15, с. 24], к которым авторы, в частности, относят неисполнение требований следователя при выполнении действий,

предусмотренных ст. 144 УПК РФ, например, непредставление сведений по запросу следователя.

Штрафные санкции за невыполнение законных требований лиц, ведущих производство по делу, – не только отечественная практика. Так в соответствии со ст. 60-1 УПК Франции невыполнение требования Прокурора Республики или сотрудника судебной полиции о предоставлении информации по запросу, имеющей отношение к расследованию, влечёт наложение штрафа в размере 3750 евро¹⁶, что в 70 раз больше максимального размера штрафа для организаций, и в 150 раз больше максимального размера штрафа для граждан, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ. Кроме этого, как показывает практика, отечественный правоприменитель сталкивается со сложностями в определении оснований (за неисполнение каких именно требований следователя, дознавателя лицо подлежит ответственности) для привлечения к данной административной ответственности, а также не исключено, что вовсе не желает прибегать к указанному механизму.

Заключение. Таким образом, по результатам проведённого исследования можно сделать следующие *выводы*.

1. Принуждение – неотъемлемая составляющая всего уголовного судопроизводства, поэтому существует на всех его стадиях, в том числе и до возбуждения уголовного дела, однако крайне ограничено и в большинстве своём малоэффективно.

2. Принуждение в отечественном уголовном судопроизводстве реализуется не только мерами, указанными в IV разделе УПК РФ (не только методами процессуального принуждения). Правоприменительная практика использует также метод оперативно-розыскной деятельности, а также привлечение к административной ответственности за отказ от выполнения законного требования органа предварительного расследования. Однако применяются эти методы неоднобразно, а иногда вразрез с действующим законодательством.

3. Отсутствие действенного принуждения на стадии возбуждения уголовного дела вписывается в существующую модель отечественного судопроизводства с присущими ей особенностями стадии возбуждения уголовного дела, среди которых можно выделить минимальное использование принуждения, что вряд ли является эффективной формой достижения целей уголовного судопроизводства.

4. Развитие эффективного досудебного производства должно идти по пути расширения проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела и включать те, что УПК РФ прямо не предусмотрены (например, личный досмотр), а также те, которые требуют судебного санкционирования.

¹¹ Постановление Улаганского районного суда № 5-494/2020 от 13 мая 2020 г. по делу № 5-494/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Dh6dn5nw11/?regular-txt> (дата обращения: 23.11.2022).

¹² Решение Агрызского районного суда № 12-26/2019 от 8 апреля 2019 г. по делу № 12-26/2019 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL : https://sudact.ru/regular/doc/zoXs8Q8AbKoL/?page=5®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 23.11.2022).

¹³ Решение Змеиногорского городского суда № 12-3/2020 от 19 февраля 2020 г. по делу № 12-3/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Amo2P2KE61Hv/?regular-txt> (дата обращения: 23.11.2022).

¹⁴ Постановление Омского областного суда № 4А-455/2019 от 3 октября 2019 г. по делу № 4А-455/2019 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL : https://sudact.ru/regular/doc/wcMqSQP2W5ge/?page=3®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 23.11.2022).

¹⁵ Постановление Светловского городского суда Калининградской области № 5-12/2019 от 15 февраля 2019 г. по делу № 5-70/2018 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL : https://sudact.ru/regular/doc/nB2e660v1jWQ/?page=5®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 23.11.2022).

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Франции от 8 апреля 1958 года (в редакции Закона № 2022-299 от 2 марта 2022 года) [Электронный ресурс] // Сайт законодательства Франции. – URL : https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000045292588 (дата обращения: 23.11.2022).

Список литературы

1. *Россинский С. Б.* Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 6(127). – С. 133–139.
2. *Шумилин С. Ф.* Принуждение как составная часть механизма реализации полномочий следователя на производство следственных действий // Российский следователь. – 2008. – № 11. – С. 4–6.
3. *Кудрявцева Т. Г., Кожухарик Д. Н.* О допустимости в уголовном процессе объяснений в качестве доказательств // Российский следователь. – 2014. – № 5. – С. 28–30.
4. *Азарёнок Н. В.* Изменения ст. 307 УК РФ с позиции уголовно-правовой и уголовно-процессуальной правовой доктрины // Российский следователь. – 2020. – № 8. – С. 33–36.
5. *Багмет А. М., Османова Н. В.* О совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. – 2022. – № 2. – С. 8–13.
6. *Чуркин А. В.* Допустимость объяснений как новых доказательств в уголовном процессе // Российский следователь. – 2013. – № 17. – С. 19–22.
7. *Румянцева М. О.* Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы : монография [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.11.2022).
8. *Лапин Е. С.* О качестве производства обысков // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2019. – № 1 (13). – С. 28–33.
9. *Артемова В. В.* Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. – 2014. – № 3. – С. 3–5.
10. *Ряполова Я. П.* Производство следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении: системные противоречия уголовно-процессуального закона // Российский следователь. – 2021. – № 5. – С. 21–25.
11. *Азарёнок Н. В.* Совершенствование процессуального порядка представления предметов (документов) при доследственной проверке сообщения о преступлении // Уголовное право. – 2020. – № 5. – С. 123–126.
12. *Россинский С. Б.* Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 423. – С. 225–235.
13. *Козлов В. В.* Личный досмотр как альтернатива производства личного обыска до возбуждения уголовного дела // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 2 (93). – С. 138–142.
14. *Лапатников М. В.* Личный досмотр в системе уголовно-процессуальных средств доказывания: проблемы теории и практики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 439–443.
15. *Есина А. С., Макеева Н. В., Борбат А. В.* Деятельность следователя по применению меры принуждения в виде денежного взыскания к участникам уголовного судопроизводства // Российский следователь. – 2021. – № 3. – С. 21–25.

References

1. *Rossinskij S. B.* Stadiya vzbuzhdeniya ugovolnogo dela: bezogovorochno uprazdnit' libo popytat'sya ponyat' podlinnyye prichiny ee vzhniknoveniya? // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2021. – T. 16. – № 6(127). – S. 133–139.
2. *Shumilin S. F.* Prinuzhdenie kak sostavnaya chast' mekhanizma realizacii polnomochij sledovatelya na proizvodstvo sledstvennyh dejstvij // Rossijskij sledovatel'. – 2008. – № 11. S. 4–6.
3. *Kudryavceva T. G., Kozhuharik D. N.* O dopustimosti v ugovolnom processe ob»yasnenij v kachestve dokazatel'stv // Rossijskij sledovatel'. – 2014. – № 5. – S. 28–30.
4. *Azaryonok N. V.* Izmeneniya st. 307 UK RF s pozicii ugovolno-pravovoj i ugovolno-processual'noj pravovoj doktriny // Rossijskij sledovatel'. 2020. – № 8. – S. 33–36.
5. *Bagmet A. M., Osmanova N. V.* O sovershenstvovanii stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela // Rossijskij sledovatel'. – 2022. – № 2. S. 8–13.
6. *Churkin A. V.* Dopustimost' ob»yasnenij, kak novyh dokazatel'stv, v ugovolnom processe // Rossijskij sledovatel'. – 2013. – № 17. – S. 19–22.
7. *Rumyanceva M. O.* Vzbuzhdenie ugovolnogo dela: problemy i perspektivy: monografiya [Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya 23.11.2022).
8. *Lapin E. S.* O kachestve proizvodstva obyskov // Problemy ugovolnogo processa, kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. – 2019. – № 1 (13). – S. 28–33.
9. *Artemova V. V.* Problemnye aspekty realizacii istrebovaniya i iz»yatiya predmetov i dokumentov na etape vzbuzhdeniya ugovolnogo dela // Rossijskij sledovatel'. – 2014. – № 3. – S. 3–5.
10. *Ryapolova Ya. P.* Proizvodstvo sledstvennyh dejstvij v hode proverki soobshcheniya o prestuplenii: sistemnye protivorechiya ugovolno-processual'nogo zakona // Rossijskij sledovatel'. – 2021. – № 5. – S. 21–25.
11. *Azaryonok N. V.* Sovershenstvovanie processual'nogo poryadka predstavleniya predmetov (dokumentov) pri dosledstvennoj proverke soobshcheniya o prestuplenii // Ugolovnoe pravo. – 2020. – № 5. – S. 123–126.
12. *Rossinskij S. B.* Razmyshleniya ob effektivnosti sudebnogo kontrolya za proizvodstvom sledstvennyh dejstvij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 423. – S. 225–235.

13. *Kozlov V. V.* Lichnyj dosmotr kak al'ternativa proizvodstva lichnogo obyska do возбуждения уголовного дела // «Yurist-Pravoved». – 2020. – № 2(93). – S. 138–142.

14. *Lapatnikov M. V.* Lichnyj dosmotr v sisteme ugovolno-processual'nyh sredstv dokazyvaniya: problemy teorii i praktiki // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2016. – № 2 (34). – S. 439–443.

15. *Esina A. S., Makeeva N. V., Borbat A. V.* Deyatel'nost' sledovatelya po primeneniyu mery prinuzhdeniya v vide denezhnogo vzyskaniya k uchastnikam ugovolnogo sudoproizvodstva // Rossijskij sledovatel'. – 2021. – № 3. – S. 21–25.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted November 30, 2022; approved after reviewing February 3, 2023; accepted for publication May 16, 2023